

Посвящается Кларе

ПРОЛОГ

Вахта Броуди снится мне до сих пор, и кошмарный сон всегда один и тот же. Я стою на усыпанной гравием подъездной аллее, а передо мной темнеет дом, точно плывущий в дымке корабль-призрак. У моих ног клубится туман — от его скользких прикосновений кожа покрывается ледяной изморосью. Я слышу море — грохот волн, разбивающихся о скалы, — а над головой кричит чайка, словно предупреждая: держись подальше, не приближайся. Я знаю, что за входной дверью ожидает смерть, но не отступаю, потому что дом зовет меня. Возможно, он всегда будет манить меня, подобно поющей сирене, призывая вновь подняться на веранду с поскрипывающими — вперед-назад — качелями.

Я открываю дверь.

Внутри все не так, совершенно не так. Это вовсе не тот чудесный дом, в котором я когда-то жила и который любила... Массивная резная лестница задушена вьюном — словно зеленая змея, оплетает он перила. Пол устлан ковром из сухих листьев, занесенных сюда ветром через разбитые окна. Я слышу медленное «кап-кап» — дождевая вода неумолимо стекает с потолка — и, подняв взгляд, вижу, как одинокая хру-

стальная подвеска покачивается на скелете люстры. По стенам, когда-то покрытым кремовой краской и украшенным великолепной лепниной, ныне расползаются щупальца плесени. Задолго до того, как появилась Вахта Броуди, до того как люди, что выстроили ее, привезли сюда дерево, камень и прикрепили балки к опорам, холм, на котором стоит дом, был царством леса и мха. И вот мхи и заросли снова захватывают свою территорию. Вахта Броуди заброшена, и в воздухе повис запах гнили.

Где-то наверху слышно жужжание, и по мере подъема по лестнице этот звук усиливается. Некогда прочные ступени, по которым я ходила каждый вечер, проседают и стонут при каждом шаге. Перила, прежде отполированные до атласной гладкости, теперь щетинятся колючками терновника. На втором этаже я вижу муху: она кружится надо мной и внезапно врзается мне в лоб. Тут же подлетает еще одна, за ней другая, а я продолжаю путь — по коридору к главной спальне. Сквозь закрытую дверь до меня доносится жадный гул — какое-то лакомство привлекло насекомых в эту комнату.

Я открываю дверь, и гул тут же превращается в рев. Мухи налетают на меня в таком количестве, что я почти задыхаюсь. Отмахиваюсь и трясую руками, но мухи повсюду: у меня в волосах, в глазах, во рту. И только в этот момент я понимаю, что манит мух в эту комнату. В этот дом.

Я. Они лакомятся мной.

В тот день в начале августа, когда я свернула на Норт-Пойнт-уэй и впервые направилась к Вахте Броуди, никакие мрачные предчувствия меня не томили. Я думала лишь о том, что эта дорога нуждается в срочном ремонте, так как ее покрытие пошло волнами из-за вторжения древесных корней. Перед моим отъездом управляющая недвижимостью пояснила мне по телефону, что дому более ста пятидесяти лет и в данный момент он реставрируется. Первые несколько недель придется мириться с тем, что в башенке будут стучать молотками двое плотников, однако именно по этой причине дом с таким потрясающим видом на океан можно снять почти даром.

«Прежняя съемщица уехала из городка пару недель назад, хотя аренда у нее была уплачена на месяцы вперед. Так что вы позвонили мне как раз вовремя, — заметила она. — Владельцу не хотелось бы, чтобы дом пустовал все лето: кто-то же должен присматривать за ним. Хозяин выразил надежду, что отыщется другая съемщица. По его мнению, у женщин куда больше развито чувство ответственности».

Получилось так, что новой счастливой съемщицей оказалась я.

С заднего сиденья машины заорал мой кот Ганнибал, требуя освобождения из переноски, в которой он просидел шесть часов — с тех пор, как мы выехали из Бостона. Я бросаю взгляд назад и вижу сквозь дверцу, как недобро сверкнули на меня яростные зеленые глаза громадного мейн-куна.

— Почти приехали, — обещаю я, хотя сама уже начинаю волноваться, что свернула не туда.

Из-за корней и вспучивания грунта в морозы дорожное покрытие потрескалось; деревья, казалось, теснее подступили к обочине. Мой старенький «субару», и без того придавленный багажом и кухонной утварью, царапает днищем дорогу и подскакивает, продолжая путь по постепенно сужающемуся туннелю между стволами сосен и елей. Развернуться тут все равно не вышло бы — мне только и остается ехать дальше по дороге, куда бы она ни вела. Ганнибал снова подает голос, но на этот раз более настойчиво, словно предупреждая: «Остановись сейчас же, не то будет поздно».

Сквозь нависающие ветви взгляд то и дело выхватывает клочки серого неба, а затем лес внезапно расступается, и передо мной открывается широкий гранитный откос, испещренный лишайником. Видавший виды знак подтверждает: я прибыла на подъездную аллею Вахты Броуди, однако дорога уходит в такой густой туман, что дома совсем не видно. Асфальт остался позади, из-под шин начинает выскакивать гравий. Дымка мешает разглядеть потрепанные ветром кусты живой изгороди и гранитную пустошь, однако слышно, как орут чайки, — они кружат над головой, точно целый легион призраков.

И тут передо мной возникает темный силуэт дома.

Заглушив двигатель, я несколько секунд просто сижу и смотрю на Вахту Броуди. Неудивительно, что от подножия холма дом не виден. Его обшивка из серых досок совершенно сливается с туманом, а башенку вообще можно различить с большим трудом: она прямо-таки упирается в низкие облака. Разумеется, это иллюзия; мне говорили, что дом большой, но я не ожидала увидеть этакий замок на вершине.

Я выхожу из машины и смотрю вверх, на деревянную обшивку, что со временем приобрела серебристо-серый оттенок. На веранде со скрипом покачиваются качели, точно их толкает чья-то невидимая рука. Должно быть, в этом доме гуляют сквозняки, а отопительная система устроена еще до потолка; воображение рисует мне комнаты с влажным, пахнущим плесенью воздухом. Нет, совсем не так я представляла свое летнее пристанище. Я надеялась найти уединенное место для творчества, уголок, где можно спрятаться.

Убежище, в котором я смогу залечить раны.

Однако этот дом оказался вражеской территорией — он презрительно взирает на меня своими угрюмыми глазами-окнами. Чайки кричат все громче, призывая бежать, пока еще есть возможность. Я отступаю назад и уже собираюсь снова сесть в машину, но тут до меня доносится шорох шин по гравийной аллее. Позади моего «субару» останавливается серебристый «лексус», из него выходит какая-то блондинка и, помахивая рукой, приближается ко мне. Она примерно моего возраста, ухоженная и привлекательная; всем своим видом — от пиджака «Брукс бразерс» до улыбки, словно говорящей: «Я твоя лучшая подруга», — она излучает невероятную уверенность в себе.

— Вы ведь Эйва, верно? — спрашивает она, протягивая руку. — Простите, я немного опоздала. Надеюсь, вы ждали меня не слишком долго. Я Донна Бранка, управляющая недвижимостью.

Мы жмем друг другу руки, а я лихорадочно ищу причину отказаться от договора аренды.

«Этот дом чересчур велик для меня. Расположен слишком уединенно. И пожалуй, жутковат».

— Красивое место, правда? — ораторствует она, жестом указывая на гранитную пустошь. — Очень жаль, что в пасмурную погоду невозможно все рассмотреть как следует, но когда туман растает, вы просто в обморок упадете от такого вида на океан.

— Прошу прощения, но этот дом не совсем то...

Менеджер уже поднимается по крыльцу на веранду; ключи позвякивают у нее в руке.

— Вам повезло — вы позвонили как раз вовремя. Сразу после нашего разговора ко мне еще дважды обращались насчет Вахты Броуди. Лето в Такер-Коуве — это просто сумасшествие. Столько туристов ищут съемное жилье! Похоже, в этом году никто не стремится в Европу на летний отдых. Все предпочитают держаться поближе к дому.

— Я рада слышать, что этим местом интересуются. Потому что, я думаю, для меня Вахта Броуди несколько...

— Вуаля! Вот мы и дома!

Передняя входная дверь распахивается, и я вижу поблескивающий дубовый пол и лестницу с искусной резьбой на перилах. Отговорки, что крутились у меня на языке, вдруг куда-то испаряются. Кажется, какая-то неумолимая сила тянет меня шагнуть за порог. В прихожей устремляю взгляд вверх — на хру-

стальную люстру и потолок с замысловатой лепниной. Мне представлялось, что дом холодный и влажный, пахнет пылью и плесенью, а теперь до меня доносятся лишь ароматы свежей краски и лака. И моря.

— Реставрация почти завершена, — объясняет Донна. — Плотникам осталось немного работы в башенке и на вдовьей дорожке, но они постараются не попадаться вам на глаза. К тому же они работают только в будни, так что в выходные вас оставят в покое. Владелец хотел было снизить арендную плату в летний период, поскольку знает: плотники создают неудобства — однако они пробудут здесь всего пару недель. А потом до конца сезона этот сказочный дом будет в вашем полном распоряжении. — Управляющая заметила, что я с интересом разглядываю потолочный плинтус. — Они прекрасно отреставрировали лепнину, верно? Нед, наш плотник, — искусный мастер. Он знает каждый уголок, каждую щелку этого дома, как никто иной. Пойдемте, я покажу вам все остальное. Поскольку вы, видимо, будете пробовать рецепты, думаю, вам необходимо увидеть кухню. Она великолепна.

— Разве я рассказывала вам о своей работе? Не помню, чтобы мы о ней говорили.

Управляющая смущенно усмехается:

— По телефону вы сказали, что пишете о еде, я не удержалась и погуглила. Я уже заказала вашу книгу об оливковом масле. Надеюсь получить автограф.

— С радостью подпишу ее для вас.

— Думаю, скоро вы придете к выводу, что в этом доме отлично пишется. — Донна ведет меня в кухню, светлое просторное помещение с полами из черно-белой плитки, выложенной геометрическим узором. —

Здесь шестиконфорочная плита с большой духовкой. Боюсь, утварь довольно простая — несколько кастрюль и сковородок, — но вы говорили, что привезли свою посуду.

— Да, у меня длинный список рецептов, которые необходимо испробовать, к тому же я никогда и никуда не езжу без своих ножей и сотейников.

— Так о чем же ваша новая книга?

— О традиционных блюдах Новой Англии. Я изучаю кухню мореходов и их семей.

— Это сплошная вяленая треска! — смеется она.

— А еще мне интересно, как они жили. Долгие зимы, холодные ночи, опасности, подстерегавшие рыбака, который отваживался на все ради хорошего улова... Жить на деньги от добычи рыбы было непросто.

— Да, разумеется, непросто. И доказательство тому — в следующей комнате.

— Что вы имеете в виду?

— Я покажу.

Мы переходим в уютную гостиную, где в камине уже подготовлена растопка из дров и хвороста. Над каминной полкой висит написанная маслом картина с изображением накренившегося судна в бурном море; корабельный нос прорезает взбитую ветром пену.

— Это всего-навсего копия, — поясняет Донна. — Оригинал выставлен в городке, в зале исторического общества, там есть и портрет Джеремии Броуди. И знаете, он привлекает внимание — высокий мужчина с волосами цвета воронова крыла.

— Броуди? Поэтому дом называется Вахтой Броуди?

— Да. Капитан Броуди командовал торговым судном, что ходило отсюда в Шанхай, и таким образом

сколотил себе состояние. Он построил этот дом в тысяча восемьсот шестьдесят первом году. — Окинув взором холст, на котором корабль борется с волнами, она вздрагивает. — Морская болезнь разыгрывается у меня от одного лишь взгляда на эту картину. Ни за что не ступлю на палубу, даже если мне заплатят. А вы плавали по морю?

— Да, в детстве. Но уже много лет не садилась в лодку.

— Здешнее побережье считается лучшим в мире местом для плавания на лодках и яхтах, если, конечно, вам это нравится. Такие забавы решительно не для меня. — С этими словами Донна направляется к распашной двери в противоположном конце гостиной и открывает ее. — А тут моя любимая комната в этом доме.

Переступаю порог — и вид за окном мгновенно приковывает взгляд. Передо мной медленно перекачиваются валы тумана, а за его завесой я вижу проблески того, что скрывалось вдали. Море.

— Стоит только выйти солнцу, от здешней красоты у вас перехватит дыхание, — обещает Донна. — Сейчас моря не видно, так что придется дожидаться завтрашнего дня. К тому времени горизонт расчитится.

Мне хотелось бы немного постоять возле этого окна, но управляющая уже двинулась дальше, чтобы не задерживать экскурсию, в сторону столовой, обставленной чрезвычайно торжественно: центральное место занимает тяжелый дубовый стол с восемью стульями вокруг. Стену украшает еще одно полотно с изображением корабля, впрочем, выполнено оно куда

менее умелым художником. К раме прикреплена табличка с названием судна: «Минотавр».

— Это его корабль, — говорит Донна.

— Капитана Броуди?

— «Минотавр» затонул, и капитан вместе с ним. Его старший помощник написал эту картину и вручил капитану в качестве подарка за год до того, как оба пропали в море.

Я разглядываю изображение «Минотавра», и внезапно волоски на моем затылке встают дыбом, будто бы ледяной ветер вдруг врывается в комнату. Я и в самом деле оборачиваюсь к окну, чтобы проверить, не открыто ли оно, но все окна в этой комнате надежно заперты. Похоже, Донна тоже ощущает нечто подобное, поскольку обхватывает себя за плечи.

— Картина не особенно хороша, однако господин Шербрук считает, что она должна находиться в доме. Раз уж ее автор сам старпом, надо полагать, все детали на месте.

— Однако то, что она висит тут, немного смущает, — бормочу я, — ведь мы же знаем, что капитан погиб именно на этом корабле.

— То же самое говорила Шарлотта.

— Шарлотта?

— Она снимала дом до вас. И так интересовалась его историей, что собиралась даже расспросить владельца. — Донна поворачивается в сторону. — Пойдемте посмотрим спальни.

Вслед за управляющей я поднимаюсь по плавно изогнутой лестнице; моя рука легко скользит по отполированным перилам. Они сделаны из обработанного вручную дуба и на ощупь кажутся прочными и надежными. Дом строился на века, и наверняка в нем

должно было жить не одно поколение потомков, однако он пустует и вот-вот примет на постой одинокую женщину и ее кота.

— А у капитана Броуди были дети? — спрашиваю я.

— Нет, он так и не женился. После его гибели дом достался по наследству одному из племянников, а потом несколько раз переходил из рук в руки. Теперь он принадлежит Артуру Шербруку.

— Отчего же мистер Шербрук не живет здесь?

— У него есть дом в Кейп-Элизабет, неподалеку от Портленда. А Вахту Броуди он унаследовал от тетки много лет назад. Дом перешел к нему в довольно плачевном состоянии, так что господин Шербрук уже потратил целое состояние на реставрацию. Он надеется, что найдется покупатель... — Немного помолчав, она оборачивается ко мне. — Если это вам интересно.

— Я не потяну содержание такого дома.

— Ну да. Я просто подумала, что стоит упомянуть об этом на всякий случай. Но вы правы: содержание таких исторических построек — сущий ужас.

Мы идем по второму этажу, и Донна указывает на дверные проемы двух скудно обставленных спален, а затем подходит к двери в самом конце коридора:

— Это спальня капитана Броуди.

Войдя в комнату, я снова вдыхаю аромат моря. Этот запах я заметила еще внизу, но здесь он слишком явный — словно прямо на меня накатывает волна и брызги летят в лицо. Но вдруг аромат исчезает, будто кто-то взял и закрыл окно.

— Вы будете в восторге, проснувшись и взглянув на эту красоту, — не унимается Донна, указывая на

окна, хотя за стеклом все еще висит туман и ничего не видно. — Летом солнце встает вон там, над водой, так что можно встречать рассвет.

Я хмурюсь, глядя на голые окна.

— Без занавесок?

— Да тут нечего скрывать, потому что никого нет и никто вас не увидит. Участок тянется до самой воды. — Она оборачивается и кивает на камин. — Вы ведь умеете разжигать огонь, верно? Знаете, что первым делом нужно открыть дымоход?

— Я часто навещала бабушку на ее ферме в Нью-Гемпшире, так что у меня есть кое-какой опыт по растопке печей.

— Господин Шербрук хотел бы убедиться в вашей осмотрительности. Пламя довольно быстро охватывает такие старые постройки. — Донна достает из кармана связку ключей. — Думаю, наша экскурсия подошла к концу.

— Вы говорили, наверху башенка?

— О, сейчас в башенке нечего делать. Там черт-те что, инструменты да деревяшки. И разумеется, нельзя выходить на вдовью дорожку, пока плотники не заменили настил. Это небезопасно.

Я так и не решалась взять у нее ключи... Вспомнилось первое впечатление при взгляде на дом, как будто взиравший на меня безжизненными стеклянными глазами. Тогда Вахта Броуди, казалось, не обещала ни уюта, ни пристанища, и меня охватило желание сбежать отсюда. Но теперь, когда я оказалась внутри, вдохнула ее воздух и прикоснулась к деревянным перилам, ощущения стали совсем иными.

Дом принял меня.

Я беру ключи.

— Если появятся вопросы, меня можно застать в офисе со среды по воскресенье, а по срочным в кухне Шарлотта оставила небольшой список местных телефонов. Водопроводчик, врач, электрик...

— А почту где можно забирать?

— На обочине подъездной аллеи есть почтовый ящик. А можно арендовать ящик в городе. Так поступила Шарлотта. — Донна останавливается у моей машины, разглядывая кошачью переноску на заднем сиденье. — Ого! Ну и кошечка у вас!

— Он давно приучен к лотку, — заверяю я.

— Он здоровенный.

— Знаю, пора посадить его на диету. — Я протягиваю руку, чтобы вытащить переноску, и Ганнибал шипит на меня сквозь решетку. — Он не в восторге, что пришлось сидеть в машине так долго.

Нагнувшись, Донна разглядывает Ганнибала.

— Мне кажется или у него лишние пальцы? Мейнкун, верно?

— Да, целых двадцать шесть фунтов.

— Охотиться любит?

— Еще как!

Донна улыбается Ганнибалу:

— Тогда ему здесь понравится.

Я затаскиваю переноску в дом и освобождаю пленника. Ганнибал выбирается из клетки, бросает на меня недобрый взгляд и устремляется в сторону кухни. Разумеется, первым делом ему нужно туда; даже в незнакомом доме Ганнибал всегда знает, где ему накроют ужин.

Мне пришлось не раз повторить маршрут до машины и обратно, чтобы выгрузить и отнести в дом чемодан, картонные коробки с книгами, постельным бельем и кухонной утварью, а также два пакета продуктов, купленных в городке Такер-Коув на первые несколько дней. Из своей бостонской квартиры я прихватила все, что может пригодиться в ближайшие три месяца. Романы, собиравшие пыль на моих книжных полках, — я давно собиралась прочесть эти книги, и теперь наконец-то пробил их час. Банки с драгоценными травами и специями, которые, как я опасалась, трудно будет найти в каком-нибудь захолустном магазинчике штата Мэн. Я привезла и купальники с пляжными платьями, и свитеры, а также толстую пуховую куртку, потому что даже летом трудно предсказать погоду в Новой Англии. Во всяком случае, так говорят.

Когда все вещи были перенесены в дом, время уже перевалило за семь, а я основательно подмерзла в ту-

мане. Мне хочется только одного — выпить чего-нибудь у потрескивающего очага. Достаяю три бутылки вина, привезенные из Бостона. Открыв кухонный шкаф в поисках бокала, обнаруживаю, что у предыдущей постоялицы были похожие желания. На одной из полок, рядом с экземпляром «Радости приготовления пищи»¹, стоят две бутылки односолодового шотландского виски — одна почти пуста.

Отставив в сторону вино, беру бутылку, в которой осталось немного виски.

Сегодня моя первая ночь в этом великолепном старом доме — так почему бы и нет? Я уже никуда не пойду, день был крайне утомительный, да и в такой влажный прохладный вечер виски подойдет куда лучше всего остального. Кормлю Ганнибала, наливаю шотландский виски в хрустальный стакан, найденный в кухонном шкафу, — всего на два пальца. И вот, стоя прямо у рабочего кухонного стола, я вознаграждаю себя первым глотком и с удовлетворением выдыхаю. Допивая содержимое стакана, бездумно перелистываю «Радость приготовления пищи». Книга вся покрыта пятнами и брызгами жира, — видимо, ее часто использовали и очень любили. На титульном листе красуется надпись:

С днем рождения, Шарлотта! Ты стала самостоятельной, и теперь тебе понадобится это.

С любовью,

бабуся

¹ «Радость приготовления пищи» («The Joy of Cooking») — американская поваренная книга, написанная Ирмой Ромбауэр, изданная впервые в 1931 году и ставшая настоящей «кулинарной библией» вроде советской «Книги о вкусной и здоровой пище». — *Здесь и далее примеч. перев.*

Мне стало интересно: а знает ли Шарлотта, что забыла здесь свою книгу? Переворачивая страницы, я вижу, как много пометок она сделала на полях, рядом с рецептами. «Нужно добавлять больше порошка карри». «Слишком тяжело готовить». «Очень понравилось Гарри!» Представляю, как бы я расстроилась, если бы подевала куда-то одну из любимых кулинарных книг, особенно ту, которую подарила бабушка! Наверняка Шарлотта захочет вернуть ее. Нужно будет сказать об этом Донне.

Виски творит чудеса. От жара лицо мое покраснелось, плечи расправились, а напряжение рассеялось. Наконец-то я в Мэне, и мы с котом оказались совсем одни в доме у океана. Не стоит думать о том, что привело меня сюда, а тем более вспоминать, кого я оставила в прошлом. Предпочитаю занятие, которое приносит мне утешение безотказно, — приготовление еды. Сегодня я сделаю ризотто, потому что оно простое и сытное, к тому же для этого всего-то нужны две кастрюли и терпение. Я попиваю виски и припускаю в сотейнике грибы, лук-шалот и сырой рис, перемешиваю, пока зернышки не начинают потрескивать. Добавляя в кастрюлю вино, выплескиваю капельку в свой опустевший стакан, где был виски. Конечно, в такой последовательности эти напитки не пьют, но ведь никого рядом нет и никто косо на меня не поглядит. Наливаю горячий мясной бульон в кастрюлю и перемешиваю. Делаю глоток вина. И снова мешаю. Добавляю горячий мясной бульон и опять делаю глоток. Продолжаю помешивать. Другие повара, возможно, жалуются, что присматривать за ризотто скучно, а мне как раз именно поэтому нравится его готовить. Нельзя торопиться, нельзя раздражаться.

И вот я несу караул у плиты, помешивая ризотто деревянной ложкой и позволяя себе сосредоточиться лишь на том, что томится на конфорке. Я кладу в кастрюлю свежий горох, петрушку и тертый пармезан, и от этого аромата просто слюнки текут.

Когда я наконец накрываю ужин в столовой, на улице уже ночь. В Бостоне тьма всегда засорена городскими огнями, но здесь за окном не видно ни зги — ни проплывающих мимо кораблей, ни пульсирующего света маяка, только черное-черное море. Я зажигаю свечи, откупориваю бутылку кьянти и наливаю его на сей раз в винный бокал. Стол сервирован безупречно: свечи, льняная салфетка, серебряные приборы по обе стороны глубокой тарелки с ризотто, присыпанного петрушкой.

Зазвонил мой мобильный.

Еще до того, как я прочитала имя на дисплее, я поняла, кто мне звонит. Она, разумеется. Я представляю себе, как Люси в своей квартире на Коммонуэлс-авеню прижала телефон к уху и ждет моего ответа. Я прямо-таки вижу письменный стол, за которым она сидит: свадебная фотография в рамке, фарфоровая чашечка со скрепками, часы розового дерева, подаренные мною на день окончания медицинского училища. Телефон звонит и звонит, а я сижу, сжав кулаки, и чувствую, как меня начинает мутить. Когда звонки наконец прекращаются, тишина кажется мне облегчением и благословением.

Я пробую ризотто — совсем чуть-чуть. Пусть я готовила по этому рецепту уже раз десять, пища на кончике ложки кажется безвкусной, словно бумага, а первый глоток кьянти — горьким. Нужно было все-таки

открыть просекко, но оно еще не охладилось, а игристое вино обязательно нужно как следует охлаждать, и лучше ставить бутылку в глубокую емкость со льдом.

Именно так я делала с шампанским в прошлый Новый год.

И снова я будто слышу звон ледяных кубиков, джаз, играющий в стереосистеме, разговоры друзей, родственников, коллег, что заполнили мою бостонскую квартиру. Ради этого праздника я сделала все возможное: не поскупилась на дамарискоттские устрицы и на целую ногу хамона иберико де бейота. Я помню, как смотрела на своих смеющихся гостей и думала, с кем из них уже переспала и с кем могла бы переспать сегодня. В конце концов, Новый год одной праздновать грустно.

«Прекрати, Эйва. Не думай о той ночи!»

Но невозможно не сыпать соль на эту рану и не чувствовать, как она саднит и кровоточит. Снова наполнив бокал, я опять и опять растравляю ее... Смех, стук устричных раковин, веселые пузырьки шампанского на моем языке. Я вспоминаю, как мой редактор Саймон кладет в рот блестящую устрицу. А Люси в тот вечер предстояло дежурство, поэтому она целомудренно пила только газированную воду.

А еще вспоминается, как мастерски Ник откупорил бутылку. Я тогда подумала: ну и залихватский у него вид в сбившемся наборе галстук и с закатанными до локтя рукавами! Стоит только воскресить в памяти эту ночь, я тут же представляю себе Ника.

Огонек свечи на моем столе, дрогнув, угасает. Я бросаю взгляд ниже и, к собственному удивлению, замечаю: бутылка кьянти опустела.